Борис
Антонов

ПЕТЕРБУРГ:
ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

1712 год – НОВАЯ СТОЛИЦА РОССИИ

Энциклопедические записки

Борис Иванович Антонов
1712 год – новая столица России. Энциклопедически записки

Серия «Петербург: тайны, мифы, легенды»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54137869
1712 год – новая столица России: Страта; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-907127-86-9

Аннотация

В 1712 году указом Петра I столица России была перенесена из старой Москвы в Санкт-Петербург, город, расположенный за пределами государства. Так был совершен декларативный поворот к Европе.

Петербург быстро, на глазах одного поколения, стал настоящим «европейцем» среди российских городов: при его застройке широко использовался западноевропейский опыт планировки и строительства.

Борис Антонов, автор историко-краеведческих книг о Петербурге, выбирает отправной точкой своего исследования

1712 год и рассматривает предшествующие и последующие городские события с любовью и скрупулезностью энциклопедиста.

Книга адресована всем, кого интересуют история Петербурга и жизни его выдающихся горожан.

Содержание

Предисловие 6
Прутский поход 8
Катеринушка 15
Церковь Исаакия Далматского 22
«Свадебные палаты» 29
Свадьба государя 36
Гравюра А. Ф. Зубова 43
Свадебный маршалок и его дворец 50
Посажёный отец Иван Боцис 57
Змаевич – наследник Боциса 63
Галерный двор 69
Посажёный отец Корнелий Крюйс 75
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Борис Антонов
1712 год – новая столица России

© Антонов Б. И., текст, 2019
© «Страта», оформление, 2020

Предисловие

Города, так же как и люди, переживают разные периоды своей жизни. У них, как и у людей, есть даты рождения, смерти; даты и периоды, оставляющие яркий след в истории. Этот след может порождать в памяти горожан и других людей позитивные или негативные восприятия. Есть в жизни города периоды, которые переоцениваются впоследствии. Иногда неоднократно. Такие вызывают, как правило, повышенный интерес не только у историков, краеведов, писателей, культурологов и других специалистов в различных областях науки и культуры, но и у многих местных жителей.

Санкт-Петербург принадлежит к тем городам мира, история которого небезразлична не только большинству его граждан, но и жителям других городов и стран. Многие знают такие периоды его истории, как жизнь революционного Петрограда или ленинградская блокада. Были в ней и другие – не только трагические, но и выдающиеся в разных смыслах периоды и события.

Выбрав отправной точкой в исследовании становления города столицей России 1712 год, поскольку считается, что именно с этого года Петербург стал российской столицей, автор рассматривает и предшествовавшие, и последовавшие события – как городские, так и проходившие за его пределами. Ознакомившись с текстом, читатель, возможно, по-но-

вому посмотрит на некоторые события истории Петербурга, хорошо ему знакомые.

Прутский поход

Разгромив шведов под Полтавой, Петр I уверовал в силу и мощь своего войска и стал требовать у Турции, чтобы она выслала из своих владений шведского короля Карла XII, который после поражения скрылся в городе Бендеры. В ответ Турция 20 ноября 1710 г. объявила России войну. Но Петра это не столько испугало, сколько раззадорило, тем более что война со стороны Турции ограничилась зимним набегом крымских татар, вассалов Османской империи, на Украину.

Чтобы приструнить турок, Петр решил совершить глубокий поход до Дуная. К этому, по его мнению, был ряд предпосылок. Во-первых, в отличие от победоносной регулярной армии Петра, у турок не было регулярной армии. Сбор султанского ополчения составлял около полугода, а главная боевая сила его – янычары – занимались не столько боевой подготовкой, сколько мелкой торговлей в связи со скудостью содержания. Во-вторых, правители Валахии (часть современной Румынии) и Молдавии просили освободить их земли от османского ига и принять эти земли под протекторат России, обещая за это выделить в помощь России войска и обеспечить русскую армию продовольствием. Наслушавшись этих россказней, Петр писал Шереметеву: «Господари пишут, что, как скоро наши вой ска вступят в их земли, то они тотчас же с ними соединятся и весь свой многочис-

ленный народ побудят к восстанию против турок; на что глядя и сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турок, и одни присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание против турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти через Дунай, большая часть его войска разбежится, а может быть, и бунт поднимут». Кроме того, Петр сильно надеялся на помощь своего союзника, польского короля Августа II.

В таком радужном настроении Петр стал готовиться к походу против турок. Он считал, что поход станет чем-то вроде приятной прогулки, поэтому решил взять с собой подругу, Екатерину Алексеевну, которую повелел именовать отныне государыней, то есть царской женой. Глядя на своего государя многие военачальники и офицеры также решили направиться в поход со своими женами и подругами.

17 января государь выехал из Петербурга в Москву и там подписал указ об учреждении нового государственного органа – «Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат, для управления».

6 марта 1711 г. Петр I выехал из Москвы к армии, которая под командованием генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева выступила с зимних квартир в Риге на театр будущих военных действий. 13 марта он в Слуцке встретился с Б. П. Шереметевым и генералом А. И. Репниным.

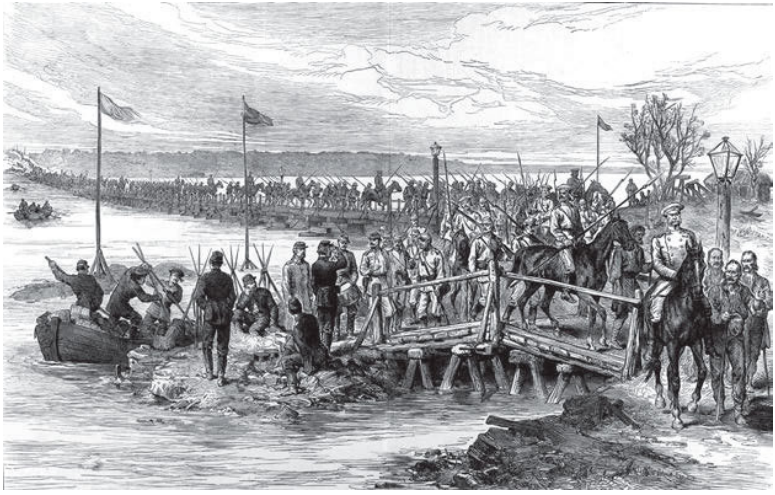
Первые сомнения по поводу целесообразности задуман-

ного похода у Петра появились 29 мая, после встречи с польским королем Августом, который отказался от союза с русскими против турок. После перехода русских через Днестр выяснилось, что господарь Валахии Константин Брынковяну, обещавший русскому царю направить в помощь 30-тысячный корпус и обеспечить русскую армию продовольствием, узнав о выступлении турецкой армии навстречу русской, не решился встать на сторону Петра. Сербы и черногорцы при известии о приближении русской армии попытались развернуть повстанческое движение, но отряды их были малочисленны, плохо организованы и плохо вооружены. Правда, молдавский правитель Дмитрий Кантемир, заключивший еще 13 апреля секретный договор с Петром, привел около 6 тысяч своих солдат в русскую армию. Это была конница, вооруженная луками и пиками. Таким образом, расчет Петра на помощь союзников не оправдался.

От Днестра русская армия двумя отдельными частями двинулась в направлении реки Прут. Русским солдатам пришлось совершить 6-дневный переход по безводным, опустошенным саранчой местам, с изнуряющей жарой днем и холодными ночами. Как писал секретарь датского посланника Рамус Эребо, находившийся в составе русской армии: «Солдаты почернели от жажды и голода. Умирающие люди лежали во множестве по дороге, и никто не мог помочь ближнему или спасти его, так как ни у кого ничего не было». Когда после перехода произвели смотр, то оказалось, что русская ар-

мия недосчиталась 19 тысяч человек, да еще 14 тысяч пришлось оставить для охраны коммуникаций. В наличии имелось до 47 тысяч солдат.

Дойдя до реки Прут, русские прошли берегом до урочища Новые Станилешти и разбили лагерь. Утром 9 июля они увидели, что лагерь окружают турецкие войска, численность которых по оценке специалистов превышала 120 тысяч турецких солдат и 70 тысяч конницы крымских татар. Русская армия насчитывала около 37 тысяч человек, ибо 10-тысячный отряд генерала Ренне был отправлен в город Браилов, где у турок хранились запасы фуража и продовольствия.



За три часа до наступления темноты лагерь подвергся атаке янычар. Военный советник турок польский генерал Понятовский так описал эту атаку: «Янычары… продолжали наступать, не ожидая приказов. Испуская дикие вопли, взывая по своему обычаю к богу многократными криками „алла“, „алла“, они бросились на неприятеля с саблями в руках и, конечно, прорвали бы фронт в этой первой мощной атаке, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними. В то же время сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая (то есть помощник великого визиря) и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок».

На следующий день утром турки подвезли артиллерийские орудия и плотно обложили русский лагерь, в котором не хватало продовольствия. Ждать помощи было не от кого. В лагере плакало и выло множество офицерских жен, а сам государь, по словам Рамуса Эребо, «бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова».

Русские собрали военный совет, на котором было принято решение предложить командующему турецкой армией визирю Балтаджи Мехмед-паше начать переговоры о мире. Визирь, не ответив на предложение, приказал янычарам возобновить атаки. Однако янычары, изрядно побитые накануне русскими, атаковать отказались. Визирю пришлось вступить в переговоры.

Из осажденного русского лагеря к туркам отправился вице-канцлер П. П. Шафиров с переводчиками и с наказом Петра: «Ставь с ними на все, кроме шклафства (рабства)». На взятки великому визирю, сановникам и даже секретарям Шафиров получил огромную по тем временам сумму в 300 тысяч рублей.

Одновременно государь направил с гонцом письмо Сенату с указанием не выполнять никаких его указаний, которые он, возможно, будет отдавать, находясь в плену.

11 июля Шафиров вернулся из турецкого лагеря с условиями мира. В соответствии с ними Россия возвращала туркам крепость Азов, также срывала крепости Таганрог и Каменный Затон, отказывалась от содержания на Азовском и Черном морях военных кораблей, а уже построенные на воронежских верфях корабли надо было или сжечь, или продать туркам за бесценок. Кроме того, Россия обязана заявить о невмешательстве в дела Правобережной Украины и ликвидировать в Стамбуле свое посольство, что считалось тогда большим унижением. Единственной уступкой со стороны турок стало обещание выслать-таки из страны Карла XII. Для исполнения усло вий договора Шафиров и сын генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева полковник Астраханского полка Михаил Борисович должны были оставаться в Турции заложниками.

12 июля мирный договор был скреплен печатями, и русская армия выступила к Яссам со знаменами и пушками.

Турки даже выделили свою кавалерию для защиты русской армии от разбойничьих набегов татар.

Визирь Балтаджи Мехмед-паша в ноябре того же года был отстранен от власти за коррупцию и впоследствии казнен. Он утверждал, что денег от русских не получал и всю привезенную для подкупа казну присвоил себе Шафиров. Последний тоже впоследствии (в 1723 г.) был приговорен к смертной казни (замененной ссылкой) за злоупотребления по почтовому ведомству.

Катеринушка

По прибытии в Петербург Петр решил наконец узаконить свои отношения с боевой подругой Катеринушкой (Екатериной Алексеевной), как ласково именовал ее в письмах. В тяжелейших боевых условиях Прутского похода она еще раз доказала ему свою любовь и преданность. О ее заслугах в период Прутского похода Петр I вспомнил в своем манифесте о коронации (тогда уже супруги) от 15 ноября 1723 г.: «Наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действах, отложа немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии…»

Существует легенда, что Екатерина Алексеевна, сопровождавшая Петра в Прутском походе, отдала на подкуп турок свои драгоценности. Правда, есть «исследователи», идущие в своих фантазиях еще дальше. Однако по заслуживающим доверия воспоминаниям участников событий, как русских, так и иностранцев, подобной жертвы она не приносила, но держалась достойно. Петр это оценил и 24 ноября 1714 г. торжественно возложил на свою супругу знаки вновь учрежденного в ее честь ордена Святой великомученицы Екате-

рины. Девизом ордена были слова «За Любовь и Отечество». Этот женский орден просуществовал в Российской империи до революции 1917 г.

Происхождение Екатерины весьма туманно, хотя написано об этом достаточно много. Сведения о ее семье и жизни до 1702 г. противоречивы и основаны на исторических анекдотах. Судя по ним, родилась она в крестьянской прибалтийской семье, при рождении была названа Мартой, рано потеряла родителей, воспитывалась в семье некоего пастора Глюка. В 17 лет Марту выдали замуж за шведского драгуна, который через два дня отправился в поход, и более его не видели.

Известно, что 25 августа 1702 г. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева взяли шведскую крепость Мариенбург (ныне город Алуксне в Латвии), в которой находилась тогда Марта, и она стала пленницей русской армии. Вскоре ее приметил сам генерал-фельдмаршал, который взял Марту к себе в услужение. Почти год он владел юной полонянкой, но нашелся человек, который взял и просто отобрал эту игрушку у генерал-фельдмаршала. Человеком этим был наперсник царя Александр Данилович Меншиков.

Меншиков отправил Марту в свои московские хоромы, где она стала помогать вести хозяйство. Однажды в конце 1703 г. в гости к «любезному другу Алексаше» заехал сам государь, который заприметил аппетитный трофей Северной

войны и проникся к нему явной симпатией. Меншикову пришлось уступить.

Вскоре между государем и Мартой начались отношения, которые привели к рождению у них в 1704 г. первенца, названного Петром, а в следующем году у них родился Павел (оба умерли в младенчестве). В разлуке они писали друг другу нежные письма, в которых Петр называл ее Катериной Василевской или просто Катеринушкой. В 1705 г. Катеринушка была отправлена в подмосковное село Преображенское, в дом любимой сестры государя, царевны Натальи Алексеевны. Здесь же жили невеста Меншикова Дарья Арсеньева, ее сестра Варвара, сестры Меншикова (Мария и Анна) и Анисья Толстая. В этой компании Марту называли Екатериной Трубачевой.

Через некоторое время, в 1707-м или 1708 г., Марта крестилась в православную веру и стала называться Екатерина Алексеевна Михайлова. Отчество она получила от крестного отца, коим стал сын Петра, цесаревич Алексей. Фамилию же она взяла ту, которую использовал государь, когда хотел оставаться инкогнито.

Екатерина не отличалась красотой и изяществом. Она была коренастая, загорелая, но при этом не лишенная привлекательности особа. Мужчинам нравились ее веселость, энергичность, немалая физическая сила и отменное здоровье. Эти качества помогали ей сопровождать государя в поездках и походах. При этом она регулярно рожала царю детей, боль-

шинство которых умерли в детском возрасте.

Голштинский граф Геннинг-Фридрих Бассевич писал: «Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась… Екатерина, уверенная в сердце своего супруга, смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; но зато и он, рассказывая ей об них, всегда оканчивал словами: „Ничто не может сравниться с тобою“».

Иностранцы оценивали внешность Екатерины Алексеевны критически. Вот что писала старшая дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма I, маркграфиня Вильгельмина Байерейтская, наблюдавшая ее во время поездки в Берлин в 1719 г.: «Она была мала ростом, толста и черна; вся ее внешность не производила выгодного впечатления. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчас заметить, что она была низкого происхождения. Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено в лавке на рынке; оно было старомодного фасона и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку. На ней был пояс, украшенный спереди вышивкой из драгоценных камней, очень оригинального рисунка в виде двуглавого орла, крылья которого были усеяны маленькими драгоценными камнями в скверной оправе. На царице было навешано около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и, ко гда она шла, все звенело, словно прошел на-

ряженный мул. Напротив, царь был человек высокого роста и красивой наружности, черты его лица носили печать суровости и внушали страх».

Екатерина отличалась спокойным и ровным характером. Она разделяла с Петром все заботы и тяготы его напряженной жизни. У него порой начинались приступы эпилептических припадков, сопровождавшиеся страшными судорогами. В этот момент только одна Екатерина становилась ему опорой и спасением. Голос ее как бы завораживал Петра, он ложился к ней на колени, она что-то тихо говорила ему, Петр засыпал, а через 3–4 часа просыпался, чувствуя себя совершенно здоровым, веселым и спокойным.

В минуты депрессии или гнева Петр становился страшен и опасен для окружающих. В эти минуты все в ужасе прятались от государя. Одна Екатерина могла в этот момент подойти к нему, произнести тихим спокойным голосом несколько слов, и вспыльчивый царь успокаивался. Многие из тех, на кого был обращен гнев Петра, сохранили свою жизнь и здоровье благодаря Екатерине. К ее заступничеству также обращались люди, которым по их поступкам грозила царская опала.

27 января 1708 г. у Петра и Екатерины родилась дочь, при рождении получившая родовое имя Романовых Анна. Так звали дочь старшего брата Петра, Ивана V. 6 марта 1711 г. Анну Петровну повелено было именовать царевной. По этому поводу ей пожаловали в Санкт-Петербурге значительный

участок земли между нынешними набережной реки Фонтанки и Лиговским проспектом.

18 декабря 1709 г. Екатерина родила государю вторую дочь, которую назвали Елизаветой. В этот день Петр имел торжественный въезд в первопрестольную и намеревался праздновать здесь Полтавскую победу. Узнав о рождении младшей дочери, он сказал: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с пришествием в этот день мою дочь!» Имя Елизавета ранее не использовалось в семье Романовых. Возможно, оно навеяно царю мыслями о недавно построенном им (в 1708 г.) на петербургской верфи по собственному проекту военном 16-пушечном судне «Лизетт». С 6 марта 1711 г. Елизавету Петровну, так же как и ее сестру, Анну Петровну, было повелено именовать царевной.

Наличие двух «царевен» от любимой женщины, не состоящей с государем в законном браке, было слишком даже для такого неординарного царя, каким был Петр Алексеевич. Поэтому он начал подготовку к организации церемонии бракосочетания. Для начала он решил изготовить собственными руками свадебный подарок для себя и для своей Катеринушки. Известно, что царь был мастером на все руки, таких на Руси называют «рукастыми».

Церковь Исаакия Далматского

Венчание Петра и Екатерины было назначено на 19 февраля 1712 г. в церкви Исаакия Далматского. Освящение этого храма тесно связано с днем рождения государя, который появился на свет 30 мая 1672 г., в день памяти святого преподобного Исаакия Далматского. Русская православная церковь почитает его пророческий дар и отмечает день памяти Исаакия трижды в году – 21 марта, 30 мая и 3 августа по юлианскому календарю.

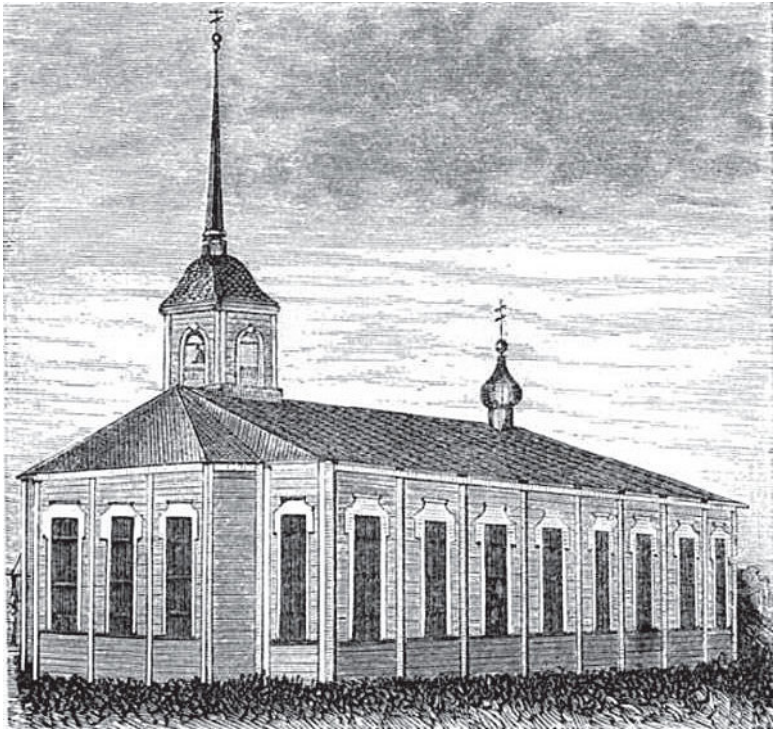
Святой преподобный Исаакий Далматский жил в IV в. Он совершал монашеский подвиг в пустыне, а в царствование императора Валента (364–378 гг.) явился в Константинополь, чтобы поддержать молитвой и утешением православных, подвергавшихся там гонениям. За обличение ереси Исаакий был подвергнут императором Валентом заключению. После гибели Валента, предсказанной Исаакием, он был освобожден святым императором Феодосием Великим (царствовал в 379–395 гг.). Вельможи Сатурнин и Виктор построили для Исаакия в предместье Константинополя жилище, где стали собираться иноки. Так возникла обитель, духовным наставником которой стал Исаакий. Достигнув глубокой старости, он поставил во главе обители своего ученика преподобного Далмата, по имени которого стал называться монастырь. Скончался Исаакий Далматский в 383 г.

Храм во имя Святого Исаакия Далматского появился при Адмиралтействе в 1707 г. Здесь на верфях к тому времени жило и трудилось более 10 тысяч человек православных христиан. Им сложно было добираться на Городской остров, где функционировали православные храмы. Храм нужен был срочно, поэтому под церковь приспособили здание чертежного амбара. Оно располагалось примерно на месте нынешнего фонтана перед башней Адмиралтейства. Это было небольшое, крытое тесом деревянное строение с десятью слюдяными окошками. Каркас его был выполнен из бревен. Размеры здания в плане составляли 18 × 9 м, высота – 4–4,5 м. Фасад был обшит строгаными обрезными досками шириной 20 см.

Работы по перестройке здания проектного назначения под культовое сооружение выполнялись за счет Адмиралтейства под наблюдением главы Адмиралтейств-коллегии Федора Матвеевича Апраксина. В процессе перестройки, помимо отделочных и живописных работ, были выполнены также работы по покрытию кровли смоляным гидроизоляционным составом и устройству на коньке крыши небольшой луковичной главки и башенки со шпилем.

В 1707 г. новый храм освятили. Однако в 1709 г. его пришлось закрыть на реконструкцию, так как в процессе эксплуатации обнаружили, что гидроизоляция основания здания то ли нарушена, то ли вообще отсутствует, что приводило к появлению в храме повышенной влажности и пони-

женной температуры. Реконструкция закончилась в 1710 г., и здание вновь освятили.



Основными прихожанами нового храма стали жители Морской слободы, которая была застроена небольшими домиками в три длинных линии параллельно южному фронту Адмиралтейства. Из этих линий впоследствии образовались

Большая и Малая Морские улицы. Жителями Морской слободы были в основном русские православные работники Адмиралтейской верфи. Иностранные специалисты, работавшие на Адмиралтейской верфи, жили в основном в Немецкой слободе, главной улицей которой была нынешняя Миллионная.

Через семь лет после реконструкции храма выяснилось, что он вновь требует полной реконструкции да к тому же расположен в зоне эспланады верфи-крепости, то есть зоны открытого незастроенного пространства. В связи с этим 6 августа 1717 г. неподалеку от того места, где ныне стоит Медный всадник, состоялась закладка новой (каменной) церкви в имя Исаакия Далматского. При этом присутствовал сам государь, который собственноручно заложил в основание храмового здания первый камень. Строительство этого храма в стиле петровского барокко началось под руководством и по проекту Ивана Степановича (Георга Иоанна) Маттарнови, прибывшего в Петербург по приглашению русского государя в 1714 г.

В ноябре 1719 г. Маттарнови скончался, успев только закончить устройство фундаментов. Продолжать работы по возведению храма стал Николай Федорович Гербель, внесший изменения в проект Маттарнови. Подрядчиком строительства стал каменщик Яков Неупокоев. После смерти Гербеля в сентябре 1724 г. работы продолжились под руководством архитектора Гаэтано Киавери, которому сразу же при-

шлось исправлять повреждения, возникшие в сводах храма, путем устройства металлических связей и сооружения наружных контрфорсов.

Государь Петр Алексеевич так и не увидел нового каменного храма в честь своего небесного покровителя. Его освятили 30 мая 1727 г., через две недели после кончины его вдовы Екатерины Алексеевны. Сразу же после этого разобрали деревянную церковь, в которой был освящен их брак.

На каменном храме в сентябре 1729 г. установили деревянный купол с фонариком, а храм выкрасили в белый цвет.

В апреле 1735 г. в шпиль храма попала молния, он выгорел полностью. Восстановление церкви поручили Пьетро Антонио Трезини, под руководством которого заново выложили своды, купол и обновили внутреннюю и наружную отделку. Работы продолжались девять лет, но проблемы целостности конструкций храма остались. Наконец, в 1758 г. провели экспертизу несущих элементов здания. Результат ее привел к неутешительному выводу: «Под тою церковью фундамент зделан слаб и узок, а паче без свай, а хотя под однеми углами и под средними четырьмя столбами сваи и побиты, но весьма редко, отчего стены и столбы садятся вниз, налишные же стены зделаны тонки и от зделанных сводов распирает врозь, отчего как стены, так и внутренние столбы пошатились розно на один вершок… Хотя для подкрепления и зделаны были прежде с боков контрфорсы, но и от того помощи мало, и все от стен отсели и перемычки разседа-

лись… колокольня хотя и подкреплена контрфорсами, токмо по слабости фундамента садитца вниз и от церкви имеет в стенах отделение». То есть фундаменты были выполнены некачественно, отсюда и проблемы с появлением трещин и просадок конструкций.

В 1768 г. по повелению императрицы Екатерины II началось строительство очередного храма во имя Исаакия Далматского на новом месте – там, где находится современное здание Исаакиевского собора. Строительство поручили архитектору Антонио Ринальди. Современник так описал церемонию закладки: «В июле 1768 года Ее величество императрица Екатерина II в присутствии всего Двора, иностранных министров и огромной толпы народа торжественно заложила камень в основание церкви святого Исаакия, которая должна строиться на Адмиралтейском лугу. Под закладной, или крае угольный, камень, где, собственно, будет сооружен алтарь, были положены различные монеты, чеканенные в правление Ее величества, а также особая, выпущенная по этому случаю медаль. Чертеж этой церкви исполнен государственным архитектором Ринальди, а осуществление постройки по изготовленной для этого модели возложено на сенатского архитектора Виста под главным надзором господина генерал-лейтенанта графа Брюса. Она должна стать самой большой и пышной церковью, какой никогда еще не было в Российском государстве». В соответствии с проектом Ринальди фасады нового храма должны были быть облицо-

ваны различными сортами русского мрамора.

Екатерина II скончалась, когда храм возвели лишь наполовину. Сменивший ее на троне сын Павел приказал забрать мрамор со стройплощадки храма для облицовки Михайловского замка и достроить храм в кирпиче без облицовки. В результате в городе появилось уродливое сооружение, которое петербуржцы назвали «памятником двух царствований».

Наличие в центре российской столицы столь неказистого здания привело государя Александра I к мысли создать на этом месте новый, величественный храм. Эту задачу он поставил перед архитектором Огюстом Монферраном. Торжественная закладка храма произошла 26 июня 1818 г., а освящение – только 30 мая 1858 г.

Ныне Исаакиевский собор радует своим состоянием петербуржцев и гостей города, которые в нем то любуются произведениями искусства, то молятся, но уже не убеждаются, что Земля вращается вокруг своей оси.

«Свадебные палаты»

Играть свадьбу Петра и Екатерины решили в новом каменном «Зимнем дому», который стали называть «Свадебными палатами» – это третье собственное жилье царя в новом городе.

Первым жильем был деревянный домик на набережной Городского острова. Эта набережная впоследствии получила название Петровской. Домик Петра сохранился. Он построен из тесаных сосновых бревен. Сени делят его на две части. Крыша покрыта деревянными пластинами – гонтом. Дом без печей, так как государь жил в нем только в теплое время года. Бревна здания с наружной стороны были стесаны и расписаны под кирпичную кладку, поэтому в петровское время здание в документах называлось «старыми красными хоромцами, что у двора Романа Вилимовича Брюса в роще» или просто «красными хоромами».

В 1723 г. вокруг домика по проекту Доменико Трезини построили каменную галерею, а после наводнения 10 сентября 1777 г. Екатерина II велела «оградить домик каменным чехлом на прочном фундаменте с крышей, покрытой кровельным железом». В 1844 г. этот каменный «чехол» полностью разобрали, затем построили по проекту Р. И. Кузьмина новый «футляр», разбили со стороны Невы сад, оградили его чугунной решеткой, а в 1875 г. установили перед домиком

бронзовый бюст Петра Великого работы скульптора Пармена Забелло по модели скульптора Жилле.

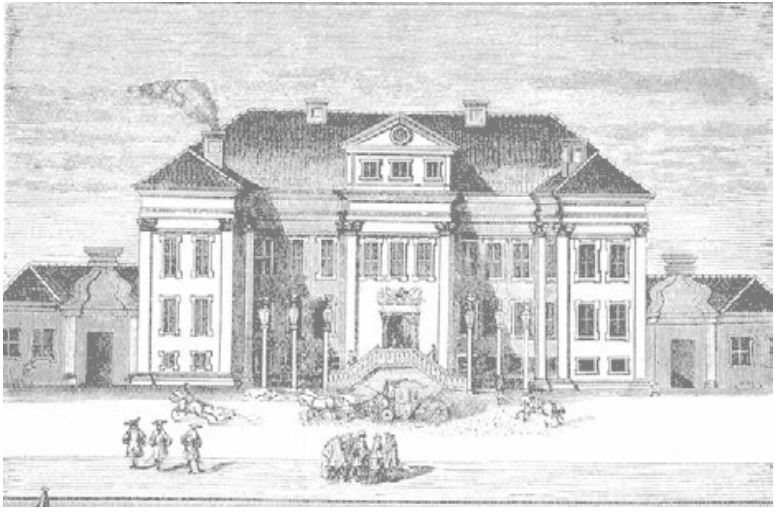
В царствование дочери Петра Елизаветы в домике устроили часовню в честь Христа Спасителя. При советской власти часовню закрыли и на месте ее создали музей «Домик Петра I».

Первый «Зимний дом», или «хоромы», для Петра I построен в 1708 г. как частный дом корабельного мастера Петра Алексеева. За строительством следил владелец соседнего участка, корабельный мастер Федосей Скляев. Дом поставлен в глубине участка между Невой и современной Миллионной улицей – это двухэтажное здание «на голландский манер» с фасадом на Неву. В доме было шесть комнат общей площадью около 120 м. На втором этаже мезонин, где Петр строил модели кораблей.

Позже здесь прорыли канал (ныне Зимняя канавка), соединивший Неву и Мойку. На противоположном берегу канала – дом английского корабельного мастера Ричарда Броуна. Далее, в сторону Адмиралтейства, расположили свои дома обер-гофмейстер М. Д. Олсуфьев, вице-адмирал К. И. Крюйс, бригадир Г. П. Чернышев, капитан лейб-гвардии и генерал-адъютант П. И. Ягужинский, советник русского правительства по турецким делам С. Л. Рагузинский, адмиралтейский советник А. В. Кикин и, наконец, напротив Адмиралтейства – генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин.

В 1711 г. деревянный «Зимний дом» по приказу Петра

разобрали и перенесли на Петровский остров. На освободившемся месте архитектор Доменико Трезини в 1711–1712 гг. построил каменный двухэтажный «Зимний дом» с мезонином на высоком подвальном этаже. С двух сторон к нему примыкали одноэтажные служебные флигели. Во двор вели две пары ворот с вычурными фронтонами, на которых стояли модели парусных кораблей. Это был первый царский Зимний дворец в Петербурге.



Второй, также небольших размеров, «Зимний дом» для Петра построили на месте современного Эрмитажного театра в 1716-1722 гг. по проекту архитектора Г. И. Маттарно-

ви. Главный фасад его выходил на набережную Невы. Здание имело опять-таки «голландскую архитектуру», характерными особенностями которой являлись высокая крыша с изломом, фронтон с декоративной скульптурой, рустовка нижней части и пилястры между окнами на втором этаже. Старый дворец частично разобрали, оставив только шесть личных комнат государя (в одной из них он и скончался 28 января 1725 г.). Рядом с царским дворцом устроили небольшую гавань.

Царская семья полностью переехала сюда в октябре 1723 г., а в декабре того же года здесь состоялось обручение цесаревны Анны Петровны с герцогом Голштинским.

Этот дворец был перестроен по указу императрицы Екатерины I архитектором Д. Трезини. Архитектор втрое увеличил площадь здания, заново создал центральную часть с роскошным порталом, украшенным колоннами, поддерживающими карниз. После смерти Екатерины здание неоднократно перестраивали, но царской резиденцией оно быть перестало. Здесь стали жить придворные, а при Елизавете – Лейб-компания, отчего дворец стали именовать Лейб-компанским домом.

В 1783–1787 гг. на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки по проекту архитектора Джакомо Кваренги построили Эрмитажный театр, частично используя конструкции старого Зимнего дворца, в котором жил Петр I. Произведенные в 1985 г. Эрмитажем раскопки и выполненные после

этого реставрационные работы позволили открыть здесь музейную экспозицию «Зимний дворец Петра I». Однако Свадебных палат здесь увидеть нельзя, они не сохранились. Их разобрали в 1725 г., после смерти Петра, когда расширялся дворец.

Традицию Петра Великого по строительству зимних дворцов в Петербурге, но в более значительных объемах продолжили наследницы российского престола – племянница Анна Иоанновна и дочь Елизавета Петровна.

Приехав из Москвы после коронации, императрица Анна Иоанновна поселилась в доме адмирала графа Апраксина. К тому времени самого адмирала уже не было в живых, а свой дом бездетный граф завещал императору Петру II. Для размещения в нем императрицы с многочисленным двором архитектору В. В. Растрелли было повелено приступить к расширению его площадей. В 1732 г. начались работы по возведению пристройки к дому Апраксина с западной стороны. Кроме того, в дворцовый комплекс вошел дом Кикина.

Возведение Зимнего дворца стало первой серьезной работой Растрелли в Петербурге. Оно продлилось до 1735 г. В итоге зодчий создал достаточно крупный комплекс зданий причудливой конфигурации, усложненный всяческими пристройками и переходами. Главный фасад его обращен к Адмиралтейству. Это третий Зимний дворец Петербурга.

Растрелли писал: «В этом здании был большой зал, галерея и театр, также и парадная лестница, большая капелла,

все богато украшено скульптурой и живописью, как и вообще во всех парадных апартаментах. Число комнат, которые были устроены в этом большом дворце, превышало 200».

Дворец прослужил 20 лет, на протяжении которых к каждому празднику заново отделывались некоторые интерьеры. Были куплены соседние дома Рагузинского и Ягужинского, где разместили дворцовые службы. При императрице Елизавете это был уже целый комплекс построек, который трудно назвать архитектурным ансамблем.

Четвертый деревянный Зимний дворец Растрелли построил в 1755 г. на углу Невского и Мойки. Главный фасад дворца выходил на Невский проспект и занял участок между набережной Мойки и современной Малой Морской улицей.

Описание дворца составил его архитектор: «Я построил большой деревянный дворец для зимней резиденции впредь до окончания каменного дворца, поскольку старый дворец, построенный по приказанию императрицы Анны, был снесен для того, чтобы там строить новый. Это здание состоит более чем из 156 комнат, с каменными погребами, большой галереей в середине фасада, выходящего прямо на большой проспект… Оно закончено и обставлено в течение 7 месяцев. Все парадные апартаменты, приемные, тронный зал, галерея и прочие были украшены лепным позолоченным орнаментом и несколькими плафонами, помещенными в главных апартаментах».

В этом дворце в 1761 г. скончалась императрица Елиза-

вета. При Петре III царский двор переехал отсюда в Зимний дворец, существующий и поныне. Деревянный же Зимний дворец разобрали по распоряжению Екатерины II от 14 февраля 1767 г.

Пятый по счету каменный Зимний дворец был построен В. В. Растрелли в 1754–1762 гг. За строительство дворца архитектора пожаловали в кавалеры ордена Св. Анны и чином генерал-майора.

Это здание в стиле барокко на Дворцовой набережной под № 36 знают во всем мире. Фасады его обращены к Неве, Адмиралтейству и Дворцовой площади.

Свадьба государя

Оригинальность Петра проявлялась во многих делах, сказалась она и в юридическом оформлении свадьбы. Венчался монарх как шаутбенахт, то есть контр-адмирал флота. Этот чин он «заслужил» за Полтавскую битву. Вероятно, здесь не последнюю роль сыграли две причины – социальное происхождение невесты и наличие у русского царя законной супруги Евдокии Лопухиной, заточенной по указу царя в монастырь.

Ранним утром 19 февраля 1712 г. Петр продиктовал письма польскому королю Августу II, русскому послу в Дании князю Василию Лукичу Долгорукому и прусскому королю Фридриху I. При этом ни в одном из них он не обмолвился о предстоящем бракосочетании. Не известил он о предстоящей свадьбе и своего сына, рожденного в браке с Лопухиной, цесаревича Алексея.

В девятом часу утра Петр и Екатерина прибыли в адмиралтейскую церковь Исаакия Далматского, где состоялось венчание. После венчания молодые и гости переправились по льду через Неву на Васильевский остров, во дворец Александра Даниловича Меншикова, который был на этой свадьбе маршалом, то есть распорядителем. О цели визита во дворец Меншикова сведений не сохранилось, но пробыли они там недолго, ибо уже около 10 часов подъехали к Зим-

нему дворцу. В этот момент артиллерия Петропавловской и Адмиралтейской крепостей произвела залпы из всех имевшихся там пушек.

Приезд Петра и Екатерины ко дворцу описал английский посол в России Чарльз Витворт, находившийся среди гостей, встречавших новобрачных:

> «Им предшествовали трубы и литавры, ряд слуг в богатых ливреях и несколько саней, запряженных шестернями. Князь Меншиков был „маршалом свадебного поезда“; вице-адмирал Крюйс сидел в одних санях с царем, по правую его руку, как отец. Государь вышел из саней с заметным нетерпением, немного не доезжая до дворцового подъезда, чтобы иметь время взять паникадило в шесть свечей из слоновой кости и черного дерева собственной работы и повесить его над столом в середине комнаты. Он рассказывал мне, что употребил около двух недель на эту работу, которой никто другой не касался. Вещь эта действительно замечательна по искусной отделке, так же как и по руке, ее создавшей».

Видимо, главной задачей Петра в то время было продемонстрировать собственный подарок всем присутствующим, потому что в его Походном журнале отмечено: «И пред обедом, пока еще не сели за стол, Его Царское Величество изволил в той палате, где сидели, посреди, против балдахинов, повесить точеное паникадило костяное, которое Сам изволил выточить».

Свадьба Петра и Екатерины игралась по русскому обычаю, со всеми традиционными персонажами – посажёными отцами и матерями, «сестрами», «братьями», «подружками» невесты и шаферами.

Посажёными отцами были командующий гребным флотом контр-адмирал Иван Боцис и командующий Балтийским флотом вице-адмирал Корнелий Крюйс.

Посажёными матерями были Катерина Крюйс, супруга вице-адмирала Крюйса, и царица Прасковья Федоровна, вдова царя Ивана Алексеевича.

«Братьями» Петр назначил корабельного мастера Федосея Скляева и кораблестроителя Ивана Головина, прозванного Басом.

В роли «сестер» выступили племянница Петра Анна Иоанновна, будущая императрица, супруга генерал-губернатора Дарья Меншикова, ее сестра Варвара Арсеньева и любимая сестра государя Наталья Алексеевна.

«Подружками», или «ближними девицами» Екатерины стали племянницы Петра, царевны Екатерина Ивановна и Прасковья Ивановна.

Шаферами, помогавшими распорядителю свадебных торжеств князю Меншикову, Петр назначил адмиралтейского советника Александра Кикина, генерал-адъютанта Павла Ягужинского, командора Мартына Госселера, поручика Яна Попега, поручика флота Ипата Муханова, капитана флота Захария Мишукова, морского подпоручика Ермолая Сквор-

цова, корабельного мастера Тихона Лукина, кабинет-секретаря Алексея Макарова, денщика Прокопия Мурзина, подпоручика Никиту Вильбоа, прапорщика Семена Манукова.

По традиции того времени на свадьбе присутствовал «форшиндер», то есть придворный при невесте. Им был назначен сын канцлера, граф Михаил Гаврилович Головкин.

Наиболее значительными персонами среди гостей были канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, сенатор князь Яков Федорович Долгорукий, обер-комендант Твери и Ярославля князь Григорий Иванович Волконский, петербургский обер-комендант Роман Вилимович Брюс, сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, советник по турецким делам Савва Лукич Рагузинский, сенатор граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин.

Кроме того, на свадьбе присутствовали иностранные дипломаты: английский посол в России Чарльз Витворт, министр Польши Фридрих фон Экштедт Фицтум, его племянник саксонский дипломат барон Иоганн-Адольф фон Лоос (Лось), датский посол Юст Юль, а также полномочные представители Голландии и Венеции.

Из «духовных персон» «Всешутейшего и Всепьянейшего собора» на свадьбу были приглашены «князь-папа» Никита Зотов (учитель государя), «архиерей» Петр Бутурлин и «архидьякон Гедеон», князь Юрий Шаховской.

Среди прочих гостей на свадьбе можно было увидеть вице-губернаторов архангельского (А. А. Курбатова), петер-

бургского (Я. Н. Римского-Корсакова), московского (В. С. Ершова), сухопутных и морских штаб-офицеров, представителей дворянства и духовенства, иностранцев разных чинов и званий.

Женская часть гостей состояла из жен и других родственниц приглашенных, а также придворных дам и девиц.

Всего гостей было около 160 человек, не считая шаферов, музыкантов и государевых певчих. Все они разместились в шести «палатах» первого этажа и одной «палате» верхнего этажа нового дворца.

Застолье продолжалось до пяти часов дня. Каждый тост сопровождался артиллерийским залпом из 11 пушек по сигналу распорядителя (маршала) Меншикова. Очередность первых тостов описал датский посол в России Юст Юль:

> «За обедом маршал начал с чаши молодых, потом предложил здоровье ближних друзей невесты. Потом пили чашу маршала, за нею чашу шаферов и самою последней чашу форшнейдера. Далее чаши пились как попало».

Английский же посол Витворт сообщил в Лондон:

> «Общество было блистательное, вино прекрасное, венгерское, и, что особенно было приятно, гостей не принуждали пить его в чрезмерном количестве».

После застолья начались танцы. Первым танцевали так называемый церемониальный танец. Вот как описывает его А. С. Пушкин в третьей главе «Арапа Петра Великого»:

«Во всю длину танцевальной залы, при звуке самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже приседали. Сперва прямо против себя, потом поворотясь направо, потом налево. Там опять направо и так далее… Приседания и поклоны продолжались около получаса…»

После церемониального танца последовал польский танец, который открыли Меншиков и Екатерина. Затем начался менуэт, на который приглашали дамы.

После церемониальных танцев начались живые, так называемые английские, танцы-игры – контрданс, англез и аллеманд. Под стать им был и немецкий гросфатер («дедушка»), где чередовались медленные и быстрые движения. Танцы продолжались до 10 часов вечера, а в начале одиннадцатого был зажжен фейерверк с огненной надписью *vivat*. На этом закончился первый свадебный день.

Назавтра, 20 февраля, все гости вновь прибыли в Зимний дворец в третьем часу дня. Они разместились за теми же столами, что и накануне. На столах стояли вазы с конфетами и фруктами. Застолье продолжалось до семи часов вечера, после чего начались танцы, продолжавшиеся до полуночи.

Утром 21 февраля Петр поехал в Адмиралтейство, где его свадебный «брат» корабельный мастер Федосей Скляев закладывал новый 60-пушечный корабль, названный в честь новобрачной «Екатерина». После торжеств на верфи

Петр отправился во дворец Меншикова, где продолжились свадебные торжества. Последним их днем стала суббота, 22 февраля, когда прием дала посажёная мать, царица Прасковья Федоровна.

Гравюра А. Ф. Зубова

Свадьбу Петра и Екатерины запечатлел гравер Алексей Федорович Зубов, который прибыл в Петербург в 1711 г. из Москвы, где трудился в гравировальной мастерской Оружейной палаты. Родился он в 1682 г., в семье иконописца Федора Евтихиевича Зубова, и с 1699 г. обучался граверному ремеслу у голландского мастера Адриана Шхонебека. В Петербурге А. Ф. Зубов возглавил гравировальную мастерскую при типографии.

Одной из первых работ Зубова в Петербурге стала небольшая, размером 30 × 28 см, гравюра под названием «Свадьба карлика Якима Волкова Петра I», выполненная в 1711 г. На ней изображен Парадный зал в Посольском доме Меншикова, где за столами вдоль стен сидят приглашенные гости, а в центре, за семью маленькими столиками, пируют на потешной свадьбе карлики.

Гравюра Зубова с изображением свадьбы Петра и Екатерины названа им «Изображение Брака его Царского Величества Петра Первого Самодержца Всероссийского». На ней показана одна из «больших палат» дворца, где находятся молодые и их близкий круг. Столы составлены буквой «О».

На переднем плане изображены дамы спиной к зрителю, между которыми сидит Екатерина, обернувшаяся к своей придворной даме. Зубов, желая привлечь к ней внима-

ние зрителя, изобразил ее лицо крупнее, чем у всех остальных. Справа от Екатерины сидят царица Прасковья Федоровна, княгиня Меншикова и ее сестра Варвара Арсеньева, слева – супруга Крюйса, царевна Наталья Алексеевна и царевна Анна Ивановна, напротив Екатерины – «форшиндер» граф Михайло Головин между ее «ближними девицами», или «подружками», царевнами Екатериной Ивановной и Прасковьей Ивановной. Дамы одеты по западноевропейской моде, в открытых платьях и с высокими прическами.

На противоположной стороне стола изображены мужчины в праздничных кафтанах и париках. Здесь в центре помещен Петр, а около него стоит свадебный распорядитель А. Д. Меншиков. В правой руке Меншикова – церемониальный жезл-трость с большим орлом и короной, увенчанной крестом. Этим жезлом он подает в окно сигналы артиллеристам, производящим залпы.

Рядом с Петром, слева от него, сидят Боцис, Скляев, английский и польский послы, Головкин, Долгорукий, Волконский, голландский и датский резиденты. Далее – княжна Мария Вяземская, с которой начинается дамская половина стола. Справа от Петра находятся Крюйс и Головин, а дамская половина начинается с супруги князя Гагарина. Петр что-то рассказывает соседям, жестикулируя при этом правой рукой. Его внимательно слушают.

В центре «палаты» стоит небольшой стол. За этим столом отдельно расположились представители «Всешутейше-

го и Всепьянейшего собора» – «князь-папа» Никита Зотов, «архиерей» Петр Бутурлин и «архидьякон» Юрий Шаховской.

По «большой палате» перемещаются 15 шаферов с подносами. У некоторых из них из разрезов кафтанов торчат шпаги. Все они отличаются от прочих гостей повязанным на левой руке белым бантом. Многих шаферов художник развернул левым плечом к зрителю.

В левом углу гравюры помещена группа из пятерых музыкантов. Не исключено, что на самом деле их было больше, просто все не поместились в этой «палате» и часть находилась по соседству.

В «палате» также присутствует значительное количество слуг с подносами, а через открытые боковые двери видны еще столы в соседнем помещении, за которыми сидят приглашенные гости.

Здесь необходимо заметить, что в «большой палате», где находились Петр и Екатерина, присутствовало не более 45 свадебных гостей. Зубов же поместил за столом более 110 персон, видимо, желая придать свадьбе больше пышности и блеска. К тому же рисунок с изображением свадьбы создавался накануне торжества, что в какой-то мере повлияло на историческую достоверность. В то же время гравюра не только передает дух эпохи, но и дает представление о характере интерьеров первого Зимнего дворца, который не сохранился до наших дней.

Несмотря на то что Зубов сознательно увеличил объем помещения для придания большей величественности и торжественности свадебной церемонии, на гравюре можно увидеть ряд особенностей интерьеров того времени. Здесь стены и потолок украшены гобеленами, зеркалами и многими другими деталями материальной культуры. Так, стены сплошь покрыты пейзажными шпалерами с вырезами для окон и дверей. Это не те произведения искусства, для создания которых требовались высококвалифицированные ткачи и дорогие материалы, стоившие больших денег, а так называемые «полотняные шпалеры». Технология их изготовления была проста и незатратна – бралась полотняная ткань, и на нее с помощью красок и аппликаций наносился рисунок.

В простенках между окнами фасадной стены помещены два больших зеркала в резных рамах, вероятно, золоченых.

На потолке расписан плафон с изображениями неба и разгоняющих облака ветров. В центральной части плафона помещены два элемента свадебного убранства – балдахины из декоративной ткани с растительным орнаментом. Между ними подвешено паникадило, над которым закреплен венок из листьев вечнозеленого букса (самшита), считавшегося в старину символом вечности. Венок со единен двумя лентами с венчальными коронами, а над ним помещено увеличенное изображение знака первого в России и единственного тогда ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Паникадило на гравюре совсем не то, которое Петр пове-

сил перед началом свадебных торжеств и которое ныне хранится в Эрмитаже. На изображенном светильнике рожков вдвое больше, чем на изготовленном Петром. Это еще раз подтверждает, что рисунок создавался накануне свадебных торжеств, а не во время их проведения.

Кроме этого осветительного прибора в помещении есть и другие. На стенах у дверей и в оконных откосах установлены так называемые «стенники» – светильники, выполненные из листового металла методом холодной обработки и обильно декорированные орнаментом. Большие «стенники» у дверей подвешены на лентах с бантами, что придает им нарядный вид.

При изображении элементов интерьера Зубов не упустил даже такие подробности, как оконная расстекловка и сюжеты на иконах, помещенных в углах «большой палаты». Здесь ясно читаются справа икона Распятия, а слева – Вознесения.

Алексей Федорович проработал в Петербургской типографии до 1727 г., затем он начал обслуживать заказы Академии наук, но заказов было мало, и средств к существованию не хватало. Тогда в 1730 г. он покинул Северную столицу и вернулся в Первопрестольную. Там он работал по заказам церквей и богатых горожан, превратился в мастера народных лубочных картинок. Последние известные работы его датированы 1745 г.

Главными и наиболее известными работами Зубова стали его работы петербургского периода жизни. Особое место

в произведениях этого периода занимает гравюра на меди «Панорама Петербурга», выполненная в 1716 г. на нескольких досках. Ее длина около 2,5 м, а ширина почти метр. Иеромонах Невского монастыря Гавриил (Бужинский) при поднесении этой гравюры царю назвал ее «первовырезанным на меди планом и фасадом Петербурга».

Зубов изобразил здесь постройки Васильевского острова, Петропавловскую крепость, здания Петербургской стороны, Литейной части и набережную реки Фонтанки. Главной магистралью является Нева, по которой плывут корабли. Детали их оснастки переданы с предельной точностью. Среди кораблей можно увидеть и бот самого Петра, где он изображен вместе с Екатериной. Благодаря удачно выбранным позициям мастер показал фасады лучших петербургских зданий того времени. Эти изображения он оживил бытовыми сценка-

ми, происходившими на набережной. При работе автор использовал чертежи и проекты зодчих того времени. Гравюра выражает дух петровских преобразований.

Свадебный маршалок и его дворец

Дворец Меншикова, куда поехали после венчания в церкви Святого Исаакия Далматского Петр и Екатерина, выглядел совсем не так, как он выглядит сегодня. Но прежде всего несколько слов о хозяине дворца.

В ряде источников, посвященных жизни и деятельности А. Д. Меншикова, говорится о том, что происхождение его неизвестно, что в юности он торговал пирожками с зайчатиной и был впервые замечен царем именно в таком качестве.

На самом деле имеются исторические документы, доказывающие, что отец Александра Даниловича был «потешным конюхом», а «потешные» были приближенными царя. Из них царь создал впоследствии свою гвардию. Известно место захоронения родителей Меншикова – при «церкви Святой Богородицы подмосковного сельца Семеновского».

Существует предположение, что род Меншиковых происходит из Литвы, так как родственники Данилы Меншикова жили в московской Мещанской слободе, где обычно селились выходцы из Литвы и Польши. Литовское происхождение в какой-то мере подтверждается и строками царского диплома на пожалование Меншикову титула князя Ижорского, где говорится, что он происходил «из фамилии благородной литовской… ради верных услуг в нашей гвардии родителя его… при дворе нашем взрастити удостоили».

Александр Данилович был любимцем государя. В 12 лет он занял при юном (13-летнем) царе Петре место камердинера и вскоре приобрел его дружбу и доверие. Меншиков принимал участие во всех потешных забавах государя, участвовал вместе с ним в Азовском походе 1696 г., сопровождал царя в заграничном странствии, где они осваивали науку строительства кораблей.

В 1698 г. Данилыч был пожалован чином сержанта Преображенского полка. В том же году Меншиков встретил в доме сестры государя Натальи Алексеевны свою единственную на всю жизнь любовь – боярышню Дарью Михайловну Арсеньеву, которая через восемь лет стала его женой.

Постепенно Меншиков стал не только верным слугой, но и другом, сподвижником государя, надежным помощником во всех государственных делах, а также активным участником царских забав и развлечений.

В 1700 г. он получил чин поручика Бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка, где сам Петр числился капитаном. В 1702 г. австрийский император Леопольд пожаловал его титулом графа Священной Римской империи. В том же году Александр Дани лович стал губернатором вновь отвоеванного Нотебурга (ныне Шлиссельбург).

В мае 1703 г., в один день с государем, он получил знаки ордена Святого Андрея Первозванного, а вскоре стал генерал-губернатором Санкт-Петербурга, при этом царь пожаловал ему огромную городскую территорию – Васильевский остров. Впоследствии, решив строить здесь центр Петербурга, Петр отобрал подарок у Меншикова.

В 1704 г. Меншиков принял участие в осаде Нарвы, во взятии Ивангорода, освобождении Ингрии и отражении на-

падения шведов на Петербург и Кронштадт. В итоге он стал генерал-поручиком, генерал-губернатором Ингрии, Карелии и Эстляндии, получив при этом значительные вотчинные пожалования. Более того, государь начал хлопотать перед австрийским императором о пожаловании своему любимцу титула князя Священной Римской империи, и в 1706 г. Меншиков получил желанный титул. Союзник Петра польский король Август II посвятил его в кавалеры ордена Белого Орла.

В 1707 г. Меншиков вновь стал князем, на этот раз российским – государь пожаловал его титулом светлейшего князя Ижорского. В 1708 г. участвовал в сражении при Лесной (это сражение Петр назвал «матерью Полтавской победы»), а затем захватил резиденцию украинского гетмана Мазепы Батурин. При этом он приказал не только сжечь гетманский дворец, но и перебить всех младенцев. Сражение под Полтавой принесло «светлейшему» чин генерал-фельдмаршала. Перед отправкой на театр военных действий государь вновь оказал ему свою милость, крестив первенца Меншиковых Луку-Петра.

По возвращении в Петербург Меншиков озаботился строительством хором, достойных его чинов и титулов. В 1710 г. на невском берегу Васильевского острова началось строительство сразу двух зданий – деревянного и каменного. Быстро возвести каменный дворец не представлялось возможным, так как не хватало ни материала, ни каменщиков.

В то же время срочно требовалась представительская генерал-губернаторская резиденция. Поэтому в глубине участка в первую очередь стали строить деревянные хоромы, получившие впоследствии названия Посольский дворец, или Летний дворец Меншикова. Строительство его под руководством комиссара от строений У. А. Сенявина было закончено за один летний сезон. Это было двухэтажное П-образное в плане здание с высоким крыльцом в центре, ведущим сразу на второй этаж. Фасад его украшали пилястры с пышными капителями и балюстрада на крыше. Парадным подъездом к дворцу служил прокопанный от Невы канал с бассейном перед входом. Здесь, прямо в бассейне, 11 июля 1710 г. Меншиков принимал гостей, которые в течение двух часов сидели в нарядных платьях в воде и пили за здоровье «светлейшего».

Стены и потолки помещений дворца были обиты узорчатой тканью. Зал для приема гостей мог вместить одновременно более ста человек. Уже 31 октября здесь играли свадьбу племянницы царя Анны Иоанновны и герцога Курляндского. Во время застолья из двух больших пирогов, стоявших на столе, вышли карлик с карлицей и протанцевали между тарелок и кубков менуэт.

Через две недели, 14 ноября, государь устроил во дворце потешную свадьбу своего карлика Якима Волкова и одной из карлиц царицы Прасковьи Федоровны.

Петра осенила идея вывести в России породу карликов.

На свадьбу собрали 80 карликов из разных уголков России. Были застолье и пляски, после чего государь лично отвез новобрачных в их жилище. Как и следовало ожидать, ничего хорошего из этой затеи не вышло. Молодая карлица забеременела, но родить не смогла и скончалась при родах. Яким с горя запил и скончался от этого. Его смерть дала повод царю устроить потешные похороны с участием карликов. Сам Петр с Меншиковым провожали похоронную процессию.

В 1710 г. началось строительство и каменной резиденции петербургского генерал-губернатора. Его возглавил швейцарский архитектор Д.-М. Фонтана, работавший в России с 1703 г. Осенью 1711 г. построен первый этаж, и 1 октября состоялось новоселье. Сам хозяин дворца в это время находился в Курляндии, затем отправился с королем Августом II в Померанию, но дворец уже начал функцио нировать. В нем в 1712 г. игрались свадьбы петровских вельмож Я. Ф. Долгорукова, Б. П. Шереметева и других, не имевших еще в Петербурге собственных дворцов и особняков.

В 1712 г. Д.-М. Фонтана уехал на родину, но работы по строительству дворца продолжались. В 1713 г. Меншиков нанял в городке Ансбеке под Гамбургом для продолжения работ по возведению дворца архитектора («мастера палатного и гипсового дела») И.-Г. Шеделя, который потом очень сожалел, что связался со светлейшим. Меншиков не только недоплачивал ему жалованье, но и не отпускал на родину, понуждая трудолюбивого немца (в России его звали Иван

Иванович) к участию в строительстве и реконструкции своих дворцов в Ораниенбауме и Кронштадте.

Используя служебное положение, генерал-губернатор привлекал к строительству дворца на Васильевском острове и других известных архитекторов, работавших в Петербурге: Трезини, Растрелли, Маттарнови, Леблона. Не отказывался «светлейший» и от такой даровой рабочей силы, как рекруты. Когда в феврале 1714 г. Меншиков вернулся в Петербург, он въехал в трехэтажный особняк на цокольном этаже – нынешняя центральная часть здания. Это здание, было тогда самым высоким в Петербурге.

На гравюре А. Ф. Зубова, выполненной в 1714 г., помимо дворца можно увидеть мазанковую церковь Воскресения Христа с башней-шпилем и курантами, Посольский дворец и дом управляющего хозяйством Меншикова – гофмаршала Ф. А. Соловьева.

Посажёный отец Иван Боцис

Сидевший за свадебным столом слева от Петра посажёный отец – венецианский граф Иван Федосеевич Боцис – командовал Балтийским галерным флотом. Родом из Далмации, которая находилась на северо-западе Балканского полуострова, на территории современных Хорватии и Черногории. В IV в. в Далмации жил и был похоронен преподобный Исаакий Далматский. В период с 1420-го по 1797 г. Далмация находилась под властью Венеции. Первые галеры с VII в. появились в Венеции, затем получили распространение во всей Европе.

На русскую службу Боциса в 1702 г. завербовал русский посол в Константинополе Петр Андреевич Толстой. Представляя его царю, Толстой писал, что Боцис «породы греческой, служил в армаде венецианской, и зело человек в искусстве навигации славен, и во время войны многие чинил похвальные дела и был до ныне всего Архипелага комиссаром». Сам Боцис сообщал о себе:

> «Начальствуя галерами и кораблями и не подчиняясь никому, кроме капитан-генерала и Сената, и за свою славную службу сделан был консулом на всех Архипелагских островах: что, будучи уроженец турский и вскормленик венецийский, он 17-летнею службою приобрел большие познания в галерном и корабельном

деле и что, оставя жену, честь, вотчины, слуг и славу свою, приехал служить Его Царскому Величеству. Условий он никаких не заключал и во всем полагается на волю Государя».

В 1703 г. Боцис прибыл в Россию и был принят в русскую службу чином галерного шаутбенахта, то есть контр-адмирала, с жалованьем в 60 рублей в месяц. В 1704 г. его отправили на Олонецкую верфь, где 29 июля 1703 г. при участии государя была заложена первая галера Балтийского флота «Святой апостол Петр». Здесь, на Олонецкой верфи, Иван Федосеевич в течение года занимался постройкой и вооружением гребных судов, а также обучением их капитанов и экипажей.

В 1705 г. Боцис с построенными галерами пришел к Неве. Здесь он отогнал от Шлиссельбургской крепости приблизившиеся к ней неприятельские войска, а затем прибыл с судами к острову Котлин, присоединился к корабельной эскадре под командованием вице-адмирала К. Крюйса и принял участие в обороне Котлина.

В 1707 г. Боцис, командуя эскадрой галерного флота, совершил первые наступательные действия в Финском заливе и финляндских шхерах. Его отряды ходили к островам Бьёрке, Сескари и Гогланд, а также вдоль южного берега Финского залива, каждый раз возвращаясь «с добычею и пленными». В сентябре того же года гребные суда Боциса на Ладоге помогали сухопутным войскам очистить карельские берега

от шведов.

В мае 1708 г. Боцис с отрядом из 18 судов неожиданно напал на финляндский берег и, высадив десант из 500 человек, разорил город Борг, собрал контрибуцию с окрестных сел, истребил неприятельский отряд, сжег 15 купеческих судов и вернулся к Котлину. Затем он был отправлен вверх по Неве, чтобы предотвратить переправу шведских войск. С поставленной задачей шаутбенахт не справился, так как не успел вовремя подойти к месту переправы. По этому делу учинили следствие, но виновным Боциса не признали.

В 1710 г. галерный флот под командованием Боциса принял участие в ледовом походе к Выборгу, а затем участвовал в осаде и взятии Выборга. После ухода корабельного флота под командованием царя к Котлину Боцис со своим гребным флотом остался в Выборгском заливе, прикрывая туда доступ с моря. В Выборге Боцис занялся строительством новых галер и подготовкой галерных команд. При этом ему пришлось силами галерных команд заготавливать лес и доставлять из Кексгольма и его окрестностей провиант, что осложнялось непрерывными ссорами с комендантом Выборга бригадиром Г. П. Чернышевым в условиях только что завоеванной страны, население которой относилось враждебно к завоевателям. При этом шведский флот находился рядом в Выборгской бухте. Боцис предложил своим офицерам сжечь шведский флот с помощью брандеров, но командовать брандерами никто не решился. Тем не менее к весне 1711 г.

в Выборге было построено семь полугалер, которые пошли на замену пришедших в совершенную негодность.

Петр высоко ценил шаутбенахта за его мужество, бескорыстие, заботу о подчиненных. Это был образованный, энергичный, неутомимый работник. Трудно представить, что было бы с Балтийским галерным флотом, не будь у царя такого помощника. А без галерного флота на Балтике воевать было невозможно, учитывая мелководье, особенно в восточной части Финского залива, и наличие шхерных районов, стеснявших плавание крупных кораблей. Галерный флот просуществовал на Балтике до 1828 г.

Сохранилась переписка Боциса с царем, где Иван Федосеевич дает государю весьма ценные и мудрые советы. Однако, несмотря на уважительное отношение к нему Петра, у шаутбенахта было немало проблем на царской службе. Так, в рапорте на имя генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина он жаловался, что людей, которых приучил с великим трудом служить на галерах, по окончании кампании у него отнимают и на другой год дают новых, неопытных; что флотские снабженцы не ведут учета материалов, не радеют о сбережении казенного имущества и даже не знают, что у них хранится на складах. Далее он советовал генерал-адмиралу не производить так часто в чины, ибо многие

> «суть добры в боцманы, а не в поручики. Многие – в поручики, а не в капитаны. Можно сим людям прибавлять жалованье, а не переменять чином, ибо,

когда произведешь хорошего поручика в капитаны, то поручика потеряешь, а капитана не выиграешь».

Еще одной проблемой шаутбенахта Боциса на службе были сложные взаимоотношения с командующим корабельным Балтийским флотом вице-адмиралом Корнелием Ивановичем Крюйсом (вторым посажёным отцом на свадьбе Петра и Екатерины). Официально Боцис не был подчиненным Крюйса, но Крюйс был старше по чину, к тому же Боцис часто зависел от Крюйса по разным причинам. Вот как описывает эту ситуацию царю Ф. М. Апраксин:

> «Товарищи мои: вице-адмирал и шаутбенахт – великую между собой противность имеют; и был, Государь, такой случай, что показали друг другу свои шпаги. И если бы не случился тут я, а также не помогли другие офицеры мне, чтобы и был кому ущерб. А в делах, Государь, зело исправляются, чисто и осмотрительно; только, Государь, разводить их не изволь, донеже дело свое не исправят».

В Петербурге Иван Федосеевич поселился с семьей на берегу Невы, на том месте, где ныне расположен бывший дворец великого князя Владимира Александровича (Дворцовая набережная, д. 26). Рядом с ним проживали греки, португальцы, датчане и другие иностранцы, служившие на русском флоте. По распоряжению вице-адмирала К. И. Крюйса от 22 января 1710 г., «в доме шаутбенахта Боциса должны собираться все греки и итальянцы, служившие в русском

флоте для принятия указов». В результате этого территория, прилегавшая к дому шаутбенахта, получила название Греческая слобода. Она ограничивалась современными границами – Миллионной улицей, Мошковым переулком, рекой Мойкой и Аптекарским переулком.

Надо заметить, что жили здесь и не только морские служители. Здесь, например, были дома генерал-адъютанта Антона Мануиловича Девиера и обер-коменданта Якова Виллимовича Брюса. В доме шотландца Александра Гордона, находившегося недалеко от начала нынешнего Аптекарского переулка, была построена первая в Петербурге католическая церковь. К юго-западу от нее вскоре появилась лютеранская кирха, а рядом возник Финляндский рынок, на месте которого теперь находится Круглый рынок. На углу нынешних Миллионной улицы и Аптекарского переулка стоял дом аптекаря Леекенса.

После свадьбы Петра и Екатерины Боцис вернулся к командованию галерным флотом. Сначала он принял участие в перевозке провианта с Котлина в Выборг. Затем, во время нахождения у Кроншлота шведской эскадры, он с отрядом из нескольких галер перебрался в шхеры, где взял у шведов три бота, краер и шняву. В 1713 г. Боцис принимал участие в бомбардировании Гельсингфорса (Хельсинки). 9 мая 1714 г. он скончался в Петербурге. За оказанные услуги жене его назначили пенсию по 300 рублей в год, а дочери до замужества по 500 рублей.

Змаевич – наследник Боциса

В конце 1712 г. в Петербург прибыл 32-летний венецианский дворянин родом из Далмации Матия Крстов Змаевич, который сразу же был переименован на русский манер Матвеем Христофоровичем. Это был представитель знатного рода Змаевичей (их герб украшал крылатый змей) из города Пераст в Которском заливе Адриатического моря (ныне в Черногории). Его дядя Андрия Змаевич был сербским писателем, архиепископом Бара и католическим примасом Сербии, а его брат Вицко Змаевич – архиепископом Задарским, доктором философии и автором латинских стихов.

До появления в Петербурге Матвей Христофорович получил образование в школе католического францисканского ордена. Затем он служил на венецианском флоте, где показал неплохие способности, став капитаном в 18-летнем возрасте. Возможно, он бы на этом флоте прослужил всю оставшуюся жизнь, но судьба распорядилась иначе. На него пало подозрение в убийстве мэра Пераста, венецианского графа Вицко Буйовича, человека жадного и высокомерного. Чтобы избежать виселицы, Матия Змаевич сбежал в 1709 г. в Дубровник, а оттуда в Стамбул. Там он познакомился с русским послом в Оттоманской империи Петром Андреевичем Толстым и поступил на русскую службу. Но время для службы у русских Змаевич выбрал неудачное. В ноябре 1710 г. нача-

лась Русско-турецкая война, и он оказался вместе с послом в одной тюремной камере Семибашенного замка Стамбула.

После того как узники освободились в 1712 г., желание Змаевича служить на русском флоте не пропало и он попросил сокамерника дать ему рекомендации для продолжения службы. Петр Андреевич в просьбе не отказал, и Змаевич с прекрасными рекомендациями отправился в Карловы Вары, где в то время находился русский царь. Здесь Петр устроил Змаевичу серьезный экзамен по военно-морскому делу. Об этом экзамене Матия сообщил в письме к брату Вицко: «Русский царь очень хорошо знает навигацию и ведение войны на море. Экзамен продолжался более двух часов, и в конце царь был удивлен моей подготовленностью, а я был счастлив, что так хорошо все закончилось». Что же касается царя, то он пожаловал Змаевичу чин капитана 1-го ранга с жалованьем в 30 рублей в месяц и направил служить на Балтийский галерный флот, под командование Ивана Федосеевича Боциса.

Матвей Христофорович оказался прекрасным галерным начальником. В 1713 г. он командовал в Финляндии отдельными галерными отрядами весьма успешно, его произвели в капитан-командоры и наградили золотой медалью.

В 1714 г., после смерти Боциса, Змаевич остался старшим начальником над галерным флотом, действовавшим в финляндских шхерах. 27 июля этого же года он принял деятельное участие в легендарном Гангутском морском сражении, находясь в подчинении генерал-адмирала Ф. М. Апраксина.

Командуя правым крылом галер, Змаевич, действуя смело и решительно, в значительной степени способствовал успеху боя и взятию шведских фрегатов и галер. За это сражение Матвей Христофорович получил золотую медаль на золотой цепи, но при этом почему-то был вынужден вернуть медаль, врученную в предыдущем году. Еще за участие в Гангутском сражении государь подарил Змаевичу Андреевский флаг, который ныне хранится в музее города Пераста, на родине героя.

В период с 1715-го по 1721 г. Змаевич командовал Балтийским галерным флотом, вызывая симпатии государя. В 1716 г. Петр I даже обратится к Венецианской республике с письмом о ходатайстве простить Змаевича за побег и возвратить ему все движимое и недвижимое имущество, на что был получен ответ от венецианского дожа с уведомлением о том, что Змаевич, согласно желанию русского царя, прощен республикой.

В 1719 г. государь пожаловал Матвея Христофоровича чином шаутбенахта (контр-адмирала), а в 1721 г., по случаю торжеств при заключении Ништадтского мира, – чином вице-адмирала. В том же 1721 г. государь назначил Змаевича членом Адмиралтейств-коллегии и поручил ему строительство Галерной гавани в Санкт-Петербурге.

Галерная гавань находится в западной части Васильевского острова Санкт-Петербурга. Это прямоугольный водоем размерами примерно 540 × 150 м, который связан с Нев-

ской губой Шкиперским каналом. В настоящее время Галерная гавань является памятником федерального значения как объект фортификационного искусства первой половины XVIII столетия. Изначально Галерная гавань строилась по проекту Доменико Трезини для хранения судов Балтийского галерного флота в зимний период.

Змаевич возглавил работы по возведению этого сложного инженерного сооружения. В 1723 г. были готовы не только основные сооружения, но также у залива построены две деревянные дозорные башни (кроншпицы) с высокими флагштоками, служившими навигационными знаками. Перед кроншпицами установили пушки для обороны гавани. Осенью 1723 г. сюда перевели первые 94 галеры, а в 1724 г. еще 90 галер. К концу 1720-х гг. Галерная гавань приобрела современные очертания. По берегам ее Большого бассейна установили подъемные устройства для снятия с галер пушек. На его пологих берегах разместили стапели для ремонта судов. В 1729 г. территорию Галерной гавани обнесли палисадом из вертикального бревенчатого шпунта для защиты от наводнений. В период создания Галерной гавани под руководством Змаевича здесь были построены с участием мастера Депонтия – конная галера, мастера Франческо – венецианская галера, мастера Ефима Никонова – «подводное потаенное огненное судно», прообраз подводных лодок.

Работы по достройке и реконструкции Галерной гавани продолжались на протяжении всего существования это-

го объекта. В 1740-е гг. сюда перевели Галерную верфь. В 1744–1754 гг. проводились крупные работы по проекту архитектора С. И. Чевакинского, в том числе были перестроены деревянные кроншпицы в каменные. В 1808–1812 гг. по проекту архитектора А. Д. Захарова облицевали гранитом набережные канала со спусками к воде. С 1872 г. здесь ремонтировали и хранили первые русские миноносцы.

Что же касается вице-адмирала Змаевича, то в 1723 г. его отправили в Воронеж – готовить корабли на случай войны с Турцией. Однако войны не случилось, и вице-адмирала вызвали обратно в Петербург, куда он прибыл аккурат к церемонии погребения Петра Великого. На похоронах государя Матвей Христофорович нес его корону Казанского царства. В мае того же 1725 г. вице-адмирала Змаевича пожаловали знаками вновь учрежденного ордена Святого благоверного князя Александра Невского. Его также назначили командующим Балтийским галерным флотом и Санкт-Петербургским портом. Наконец, в 1727 г. Матвей Христофорович получил чин полного адмирала российского флота. Казалось бы, карьера в России оказалась успешной, но…

В 1728 г. подчиненные Матвея Христофоровича написали на него донос, где поведали о растрате казенных денег и злоупотреблении властью. Его предали суду, который приговорил Змаевича к смертной казни. Однако юный государь Петр II указал разжаловать его до вице-адмирала и отправить главным командиром в провинциальный го-

род-порт Тавров, что неподалеку от Воронежа. Там Матвей Христофорович скончался 23 августа (3 сентября н. ст.) 1735 г. Согласно завещанию, Матия Змаевича похоронили в римско-католической церкви Москвы. Впоследствии Вицко Змаевич перенес прах брата в Задар, и его захоронили в церкви Святой Марии.

Галерный двор

В 1712 г. производство гребных судов военно-морского флота России перевели из Адмиралтейской верфи в устье реки Мьи (Мойки) на правый ее берег. Новое производство получило название Скампавейный двор.

В то время большие гребные суда именовались галерами, полугалерами и скампавеями. Принципиальных различий между ними не было. Иногда их классифицируют по размерам, но это не совсем верно. В документах петровского времени нередко одно и то же гребное судно называется то галерой, то скампавеей. Эти суда были вооружены небольшим количеством малокалиберных орудий и имели экипаж с десантом до 260 человек. Они могли ходить под парусами, но основным средством передвижения были весла.

К гребному флоту относились также бригантины и баркасы. Они были также парусно-гребными судами, но меньших размеров, чем галеры, полугалеры и скампавеи. Эти суда имели экипаж, не превышающий 70 человек, а использовались в основном для перевозки войск и грузов.

Флоты, состоявшие из такого рода гребных судов, назывались армейскими или галерными. Что же касается судов, входящих в их состав, то их просто именовали галерами, предоставив более углубленную терминологию профессионалам. Использовались галеры в основном для перевозки де-

санта, реже для захвата небольших парусных судов противника.

Наиболее эффективно действовали галеры в шхерных районах южного и юго-западного берегов Финляндии с их узкими извилистыми проходами и многочисленными подводными камнями, исключающими маневрирование парусного флота. Здесь русский гребной флот имел решающее преимущество, тем более что шведы не озаботились созданием своего галерного флота, и их парусники оказались беспомощным перед русскими у берегов Финляндии. Так, комбинированное наступление русских – сухо путной армии, галерного и корабельного (парусного) флотов – завершилось победой при Гангуте в 1714 г.

Основным движителем галер были весла. Их вес достигал 90 кг, а длина – 13 м. За каждым веслом сидели от трех до пяти гребцов, в зависимости от размеров судна. Опытные гребцы делали до 25 взмахов в минуту, что позволяло развивать скорость до 6 узлов (около 11 км / час).

В Оттоманской империи, Франции, Венеции, Швеции и других государствах гребцами обычно были каторжники. Кстати, само слово «каторжник» произошло от названия гребного судна «каторга». Гребцы экипажей русского галерного флота вначале комплектовались из каторжан и пленных, но вскоре Петр отказался от этой системы и стал сажать гребцами солдат пехотных полков. Во-первых, для сотен галер требовались десятки тысяч каторжников. Во-вто-

рых, в бою каторжники представляли немалую опасность, ибо в любой момент могли учинить бунт или просто перестать грести. В-третьих, при абордаже гребцы могли участвовать в бою. В итоге нововведение Петра повысило боеспособность русского галерного флота и улучшило нравственный элемент его личного состава.

В период нахождения на галерах невольников их ночевка проходила непосредственно на рабочих местах, то есть между сиденьями. Солдаты же проводили ночь на галерах в редких случаях. Русские галеры в открытое море выходили редко. Они, передвигаясь днем среди финских шхер, вечером приставали к берегу. Здесь они устраивали ночевку, оставив на галерах караулы, изготавливали печи из неотесанных природных валунов, в первую очередь для выпечки хлеба. Многие из этих печей длиной 3 м, шириной 2 м и высотой 1 м можно увидеть вдоль Финского побережья, начиная от Березовых островов близ Выборга и далее к западу и на Аландских островах.

Основной базой галерного флота на Балтике стал Петербург. Кроме того, существовал ряд баз для галерного флота на берегах Финляндии.

Строительство русского галерного флота на Балтике было начато в 1702–1704 гг. на нескольких верфях, расположенных в устьях рек Сясь, Луга и Олонка. Гребная флотилия из 50 лодок, построенных на этих верфях, участвовала в осаде крепостей Нотебург (Орешек) и Ниеншанц. Первые 13 галер

заложили на Олонецкой верфи 1 октября 1703 г. Длина их по килю составляла 17,4 м, по палубе – 22 м, ширина – 3,1 м. Суда имели одну мачту и 12 банок (сидений для гребцов). Впоследствии галеры на Балтике стали строить в Выборге, Петербурге, Або (шведское название финского города Турку). Всего в ходе Северной войны на Балтике было построено свыше 200 галер.

Русские галеры (скампавеи, полугалеры) строились трех типов – французского, венецианского и «турецкого маниру». Большинство галер было «турецкого маниру». Турецкие галеры отличала большая скорость и маневренность, однако недостатком была худшая мореходность, так как они имели низкие борта. В свежую погоду на Балтике ходить галерам «турецкого маниру» не рекомендовалось. Эти галеры представляли собой килевые суда с длинным и узким корпусом, имевшим небольшое возвышение над уровнем воды. Спереди у них был слегка приподнятый кверху носовой выступ, напоминавший таран. Он назывался шпирон. К нему крепился передний конец реи, державший парус мачты галеры. За шпироном в носовой части галер имелся помост, на котором помещались орудия самых больших калибров. Самое мощное орудие стояло в центре. Посередине галеры от носа к корме шел другой помост (куршея), служивший для быстрого передвижения людей вдоль галеры и перетаскивания грузов. От носа до кормовой надстройки слева и справа от куршейного помоста располагались скамьи для греб-

цов (банки). На корме возвышалась надстройка-каюта, образованная деревянными брусами или дугами, над которыми натягивалась палатка – тендалет. В 1720–1721 гг. в России начали строить 16-, 18-и 19-баночные галеры турецкой пропорции длиной 30–33,5 м, шириной 5,3–5,6 м.

С 1713-го по 1721 г. Скампавейный двор стали именовать Галерным двором, а затем Галерной верфью.

В 1717 г. между Невой и Мойкой прорыли канал Галерного двора, в результате чего образовался новый остров, который назвали Ново-Адмиралтейским. Канал впоследствии также стал Ново-Адмиралтейским.

В 1740 г. галерное производство перенесли на Васильевский остров, в район Галерной гавани. На месте Галерной верфи в 1800 г. построили Новое Адмиралтейство.

В 1720 г. между Адмиралтейской верфью и Галерным двором прорыли Адмиралтейский канал, соединивший оба производства с Новой Голландией, где находились склады корабельного леса. Параллельно каналу образовалась улица, которую в народе стали называть Галерной. В 1738 г. власти города присвоили ей наименование Ново-Исаакиевской, но жители именовали ее по-прежнему Галерной, и это название со временем стало официальным. В 1918 г. новые власти ее опять переименовали, на сей раз в Красную улицу. В 1991 г. ей вернули историческое название.

В 1712 г. на Скампавейный двор с Воронежской верфи прислали 2000 человек. Однако рабочих рук здесь не хва-

тало, и галерное производство стало одним из мест отбывания каторжных работ. Здесь, «позади галерного двора», разместился в том же 1712 г. Каторжный двор, который затем перевели в район современной площади Труда, а оттуда в 1738 г. на Матисов остров. Впервые в Петербург каторжников из Москвы привезли в 1707 г., а затем регулярно стали присылать из разных частей России.

Сюда же отправлялись дворянские недоросли за неявку на смотр, за побег из школы, за укрывательство от службы, а также те, за кем числились недоимки. На подсобные предприятия Галерной верфи присылали часто и «винных (провинившихся) баб и девок».

Строительство галер – более простое производство, чем корабельное. Поэтому здесь использовался труд менее квалифицированных работников. Галеры строили сразу на 50 стапелях, собирая гребные суда из заранее изготовленных по шаблону частей. Труд был тяжелый, питание скудное, быт убогий.

Были часты случаи бегства с производства. Так, в том же 1712 г. недосчитались 250 плотников с Воронежской верфи.

Посажёный отец Корнелий Крюйс

Вторым посажёным отцом на свадьбе Петра и Екатерины был вице-адмирал Корнелий Крюйс, а одной из посажёных матерей – его супруга Катерина (Катарина) Крюйс, урожденная Фоогт. Вообще-то этого голландца, родившегося в Норвегии, звали Корнелиус, но в России к нему прикрепилось уважительное обращение – Корнелий Иванович. Необходимо отметить, что до 14-летнего возраста, когда он начал службу на голландском флоте, его вообще звали Нильсом Ульсеном. Сменил же он имя оттого, что для голландского флота «Корнелиус Крюйс» звучало более подходяще, чем природное датское.

В голландском флоте Корнелиус от матроса дослужился до капитана торгового судна. Он обошел на торговых кораблях, что называется, «полсвета», приобретя богатый мореходный опыт. При этом, среди прочего, ему приходилось заниматься даже работорговлей и каперством, что было характерным для многих торговых судов того времени. Кроме того, он участвовал в подъеме затонувших торговых кораблей.

В 1696 г. Корнелиуса пригласили на службу в амстердамское Адмиралтейство, где он получил должность унтер-экипажмейстера. В круг его обязанностей входили снаряжение и надзор за голландскими военными кораблями. Должность была временной, на период войны между Францией и Нидерландами, к тому же хлопотной. В период ее исполнения Корнелиус был и бит подрядчиками, и обвинен чиновниками в мошенничестве. Но главное то, что война (1688–1697 гг.) заканчивалась, и 42-летний моряк мог оказаться безработным.

Тут-то и свела судьба Корнелиуса с русским царем, который постигал тогда в Голландии искусство строительства морских судов. Петр предложил Крюйсу службу в России. После некоторых колебаний Корнелиус принял предложение, подписав соответствующий контракт 9 апреля 1698 г. Колебания были неслучайными. В Европе в то время существовало мнение, что Россия является «форпостом варварства перед европейской цивилизацией».

Однако условия службы были заманчивыми. В контракте отмечалось, что Крюйс, не имевший в Голландии никакого военного или военно-морского чина, принимается на русскую службу в чине вице-адмирала с ежегодным окладом 4000 рублей. Кроме того, ему положено 36 четвертей муки да 72 рубля на содержание денщиков, личный секретарь и личный переводчик с голландского. Здесь же отмечалось, что Крюйсу гарантируется получение прежней должности в амстердамском Адмиралтействе, если он не захочет продлить контракт с русскими властями через три года, а в случае захвата его в неприятельский плен русские власти обязуются его выкупить.

В сентябре Крюйс прибыл в Москву, где царь встретил его со всеми почестями. Началась его русская служба, которая продлилась до самой кончины. Для начала Крюйс составил первые правила морской службы, заимствуя их из уставов голландского и датского флотов. Затем Корнелий Иванович отправился на юг России, где принял участие в строительстве Адмиралтейства в Воронеже, Таганрогского порта и укреплений в Азове. При этом он составил атлас и описание реки Дон, а также карту Азовского моря.

Затем, в 1702 г., Крюйс отправился в Архангельск. Здесь он готовил город к обороне, ходил с Архангельской эскадрой в Белое море до Соловецкого монастыря и селения Нюхчи в Онежском заливе, а осенью отправился на иностранном купеческом судне в Голландию. Здесь он заведовал най-

мом иностранцев для русского флота и распределением по кораблям, портам и школам посланных с ним русских юношей для обучения их морскому делу и кораблестроительному мастерству. В эту поездку Крюйс принял к себе секретарем 19-летнего Генриха Остермана, ставшего впоследствии российским вице-канцлером, а также завербовал будущего полярного путешественника и российского адмирала Витуса Беринга. В Голландии Корнелий Иванович напечатал свою карту Азовского моря и устья реки Дон, пользуясь которой российские капитаны успешно проводили свои суда через мелководье Дона в Азовское море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.